

РАСПРИ ПОЗАБЫВ. ПИСЬМО ВАСИЛЮ БЫКОВУ

Н.Г. Джусойты

Василь, друг!

Гляжу с горы и с грустью замечаю, как далеко ты живешь, пожалуй, не докричусь до тебя. А в эти тихие осенние дни, в это предзимье, когда горы еще «белоглавы и чернолицы», все чаще думается о том, что прожито и пережито за наши уже немалые годы. Хорошо бы встретиться и поговорить, но далеко до тебя.

А в горах ясно и солнечно. И душу обволакивает какая-то нереальная – роскошная и ласковая – тишина. Она – всюду, и погружаешься в нее, словно в абсолютно прозрачное море. Это как у Максима Богдановича: «Тихо все было на небе, земле и на сердце...»

Да, тихо и на небе, и на земле, и на сердце. А горы молчат в своем непостижимом величии, в своем высоком пребывании под вечным небом. А мы, покуда есть силы, переплываем свои годы, как горные реки. И правда, что в одну реку, как и в один год, дважды нельзя войти. Это как в старинной осетинской песне о невернувшихся с похода:

*С гор сбегают ручьи, –
К горам не возвращаются.
Очаги покидают бойцы, –
К очагам не возвращаются.
Слезы льются из глаз, –
К глазам не возвращаются.*

Ручьи не возвращаются, и горы погружаются в сфинксово молчание. А я гляжу с плеча своей горы и мучаюсь – все здесь стало вдруг невыносимо легким, невесомым, словно кто-то выключил земное притяжение. Только думать почему-то не легче. Может быть, оттого, что мысль всюду и всегда невесома, и если она не летит, то уж по своей беде, по собственному бескрылью.

И все-таки с вершины хорошо глядеть: далеко и ясно видно. Не прими это за бахвальство. Иные горские поэты, порой, не прочь прихвастнуть – мы родились у вершин! Что же, родиться у вершин, конечно, неплохо, но это не заслуга, а держать высоко свое человеческое и поэтическое достоинство менее всего способны хвастуны.

И все же такой простор перед глазами и такая невозможная прозрачность, что мнится, будто вижу даже твою Белую Русь – чащобы лесов, молочно-белые туманы в разломах рек, тихоструйные воды... Нет, ничего не вижу, все это привиделось, и все это оттого, что никогда не был на твоей родине, только пел в солдатском строю в годы войны: «Украина золотая, Белоруссия родная...»

Да – родная, хотя никогда ее не видел, не знаю, не ходил босыми ногами по ее земле, как малыш по материнским ладоням...

Нет, не совсем так... Немного знаю. И не только по карте и по вычитанным из книг географическим, историческим, социально-экономическим сведениям. Их нетрудно усвоить, еще легче – забыть. Но знаю по народным песням, по словам ее поэтов и писателей, исполненным нежной и мужественной любви к ней. А это входит в душу навсегда.

И, может быть, это внутреннее, душевное знание — малая причастность к ее духовному опыту – дает мне все-таки право тихо напевать про себя в своих горах: «Белоруссия родная...» Горы не обидятся на меня за эти слова. Они же знают, что это о далекой, но близкой моему сердцу, ласковой и доброй земле, многострадальной земле сказано.

Горы не должны обидеться, знают же, что землю, на которой родился и вырос, люблю немного нежнее что ли. К тому же о любви к родной матери по горскому счету дозволено говорить только в стихах. Хотя и скрывать зачем? Ведь самое большое желание каждого честного человека – быть причастным к судьбе родной земли и ныне, и присно, и во веки веков. Пушкин ведь говорил:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу,
Мне все ж хотелось почивать.*

И все же – «Белоруссия родная...» Странно, что как-то незаметно, самочинно что ли, преобразилось во мне это чувство родины – родной земли и народа, родного языка и культуры. И вижу, что это произошло не только со мной. И возможно, что это самое большое преобразование в нашем духовном мире, где столь многое переменялось.

Многонациональным государством Россия была, если не ошибаюсь, еще при Иване Грозном. И горцы Кавказа давным-давно вошли в состав Российской империи. Словом, россиянами наши предки были издавна, а вот чувство «общей родины» возникло и вошло в силу, видимо, только в недавнее время.

Самый этот термин – «Россия – наша общая Родина» – впервые встретил я у Коста Хетагурова. Но в то же время он горько жаловался на свое одиночество в Петербурге: «В этой сумрачной столице не вольготно осетину». И еще:

В чужом, безучастном краю

*Весну проводил я свою,
Встречая одни лишь невзгоды.*

Иначе говоря, поэт сознавал необходимость общей для всех родины, но чувствовал себя в своей стране как в неволе. Трагическое противоречие между правовым содержанием понятия родины и нравственной сущностью чувства родины.

Такая же мысль встречается и у другого нашего писателя. Он учится в Дерптском университете и фиксирует: «Я беден, одинок и несчастен, потому что родился среди малого народа». Это – 1911 год.

Видимо, такое же самочувствие было и у нашего Богдановича, когда он писал о своем народе:

*Тобою всегда помыкали,
Ты был подъяремным века,
И душу твою обокрали,
У ней даже нет языка!*

Это чувство одиночества и затерянности у деятелей культуры малых народов обострялось, видимо, еще и оттого, что не было активного взаимообщения между ними. Жили в одной стране, под одной крышей, а друг друга не знали.

И непросто было перешагнуть через упорно насаждавшуюся разобщенность и рознь. Ведь самая атмосфера общественной жизни, задышавшейся в тисках правительственной регламентации, была против давней пушкинской мечты

*О временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

Мудрая и точная формула: распри мало прекратить, их надо еще забыть. Нужно время, чтобы сама память о былых распрах поросла травой забвения и сформировалось принципиально иное самочувствие у всех народов «великой семьи» и у каждого человека в отдельности.

Память о прошлых распрах – явление устойчивое. И я думаю, что преодоление этой памяти и образование нового чувства «великой семьи» во многом зависит от художников слова и, может быть, никто так не ответствен за это, как они. Видимо, единение людей, пробуждение в людях самого «добротного чувства», чувства «великой семьи» – извечная, непреходящая миссия поэзии.

За одно столетие народы Кавказа и Закавказья вынесли великое множество кровавых расправ, притеснений и обид от царских властей. Одно это могло породить чувство устойчивой неприязни ко всему русскому. И если это не случилось, то только потому, что официальной политике и идеологии противостояла поэзия Пушкина, Лермонтова и Толстого. И еще потому, что эту традицию великого противостояния приняли от них все крупнейшие писатели Кавказа – Мирза Фатали Ахундов, Илья Чавчавадзе, Ованес Туманян, Коста Хетагуров и многие другие.

Горы Кавказа еще из отроческих уст Лермонтова слышали слова столь горячего признания, что «им без волнения внимать невозможно»:

*Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ!*

И это вызывало ответную любовь не только к поэту, но и к его народу и отчизне. Более ста лет все кавказские поэты неизменно обращаются к Пушкину, Лермонтову и к России со словами любви и признательности.

Поэты, может быть, самые большие «завоеватели» в мире, но в их страну «пленник» всегда идет с радостью, покорствуя добру и правде, любви и красоте. Но это случается лишь тогда, когда художник является истинным носителем не только поэтического гения, но и мудрости своего народа, когда он выше порожденных расправами психологии и предрассудков, выше злой памяти прошлого. Но, может быть, и то правда, что в человеческой жизни самая высокая радость – пребывание в плену поэзии. По мне это – истинная правда.

Еще на школьной скамье случай свел меня с поэзией Максима Богдановича. И русский язык знал неважно, и разобраться в стихах взрослому был не в состоянии, но меня покорила самый образ поэта: его безмерная любовь к родной земле («И если жив, то жив тобою, мой край родной»), его высоко нравственная, рыцарская готовность жертвовать собой за родину («Мать Отчизна!.. За тебя умереть мне позволь!..»), его искреннее сочувствие людям, у которых души – «холодны со слезами». Ранила мне сердце и сама трагическая судьба молодого поэта. И с тех пор я мечтал увидеть его возлюбленную землю, услышать те самые песни, о которых он говорит:

*И тоской тревожат сердце
Отголоски грустной
Деревенской нашей песни,
Песни белорусской.*

С тех пор я считал, что родной край поэта стал немного и моей землей. Что и я как-то причастен к ее судьбе, и песенные слова «Белоруссия родная» произносил, словно по сыновьему обету.

Видимо, образовать у народов чувство и сознание «великой семьи» – дело всей поэзии и всех истинных художников слова независимо от ранга и масштаба дарования. И у каждого – своя доля ответственности.

Василь, мне нравится песня «С чего начинается родина?..» Правда, когда поют ее с грустинкой, но не сентиментально. Слушаю, и передо мной каждый раз почему-то возникает иной вопрос – не с чего и когда начинается, а где кончается родина?

Иной раз смущенно и тоскливо вопрошаю себя: неужели моя родная земля обрывается где-то на окраине пограничного с Грузией, Кабардой, Балкарией или Ингушетией осетинского

села? Меня смущает, конечно, не малая география моей родной Осетии – можно безбедно прожить и в одном ауле, и на одной городской улице. И тоскливо не оттого, что немного народу в моем краю – дай-то бог заслужить любовь хотя бы горстки людей и суметь чем-то украсить землю хотя бы и величиной с ладонь.

Нет, не в этом, видимо, смысл моей тоски. Я много раз бродил и по грузинской, и по армянской, азербайджанской, украинской, башкирской, таджикской, русской и по многим иным землям, бывал и с друзьями, и один на один с незнакомыми людьми, но чужаком себя никогда и нигде не чувствовал. Мне всегда казалось, что всюду как бы продолжается моя земля, моя родина, мой Ирыстон.

Правда, порой мне бывало неловко, но оттого лишь, что мне по душе простые заботы работника, а меня обычно держали в ласковых сетях праздной жизни гостя. И еще оттого, что понимал – если сказал «моя Башкирия», то это обязывает тебя стать выше собственного роста, раздвинуть круг своих нравственных обязательств. Это предполагает твое нравственное возвышение. В противном случае ты всуе произнес высокие слова, и тебе еще далеко до преображенного чувства родины.

От такого размышления мне порой становилось стыдно, и я торопился в родной край. Конечно, и там мне бывает стыдно, и нередко, но дальше уже некуда уходить.

Василь, мне думается, что такое мое самочувствие в разных краях нашей страны не есть следствие душевной наивности и неведения всей сложности межнациональных отношений на психологическом и эмоциональном уровнях. Скорее всего, преобразилось само наше чувство родной земли, понятие родины обрело более сложное и богатое нравственное, психологическое и эмоциональное наполнение. И, видимо, родина в нравственном и психологическом смысле кончается лишь там, где начинаешь себя чувствовать одиноко и неприкаянно, отчужденно и беззащитно.

Кажется мне, что атмосфера жизни «великой семьи» преобразила в нас также чувство своего языка и культуры. Ведь «великая семья» включает в себя не только народы, но и национальные языки и культуры.

Преображение чувства своего языка мне видится прежде всего в том, что мы, работники культуры малых народов, освободились от гнетущего страха за судьбы своих родных языков.

Я порой удивляюсь тому, сколь много было отчаяния, неверия, безнадежности в высказываниях дореволюционных осетинских литераторов о родном языке. Кто только не пророчил ему скорое исчезновение. Как только не хотели его иные деятели оградить от соприкосновения с другими

языками. Но нигилизм – плохой советчик в языковом строительстве, изоляция же ведет не к развитию, а к угасанию живого языка.

Немного лет пока «великой семье» наших народов и языков, но и за эти годы мой язык в своем развитии добился многого. Во всяком случае, за последние три столетия на осетинском языке никогда не говорило столько людей, сколько в наши дни. И никогда не писалось на нем столько, сколько сейчас, и так грамотно, как ныне.

Мне, конечно, небезразлична судьба родного языка. И я был бы позорно неискренен, если бы сказал, что нисколько не тревожусь за его будущность. Но это естественная тревога человека, который желает родному языку еще большего развития. И видит при этом то, что еще мешает его развитию.

Я, конечно, знаю отдельных людей, даже с учеными степенями, которые из конъюнктурных соображений пытаются уверить нас, что «великая семья» языков должна состоять... из одного языка. Но вольно им говорить эту доморощенную ложь, языки пойдут своим путем – путем свободного развития в «великой семье», интенсивных контактов и взаимообогащения.

Наиболее интенсивно и постоянно наши языки встречаются, конечно, с русским языком. Он наш общий язык, язык нашего межнационального общения. Великий и любимый язык.

Не русский я, но русский язык считаю своим. Не родным, нет. Родной язык у меня один, ибо двух матерей у одного ребенка не бывает. Не люблю я и термин – второй родной язык. В нем слышу что-то неискреннее – ведь если я знаю еще несколько языков, то какой очередности их удостоить?

Я говорю – мой русский язык. И прошу у него прощения за мое далеко не совершенное знание. Я бесконечно благодарен ему за то, что открыл мне двери в сокровищницу великой русской и всемирной культуры. И еще за то, что помог мне лучше узнать свой язык, увидеть его со стороны, узнать его силу и слабость, красоту и несовершенство.

Русский язык в моем сердце там же, где и мой материнский язык, язык моей колыбельной песни. И я органически не переношу людей, которые пытаются противопоставлять в моем сердце эти два языка. Они говорят: выбирай один из них. Но я выбрал оба и не желаю слышать эти убогие советы.

Мое преображенное языковое чувство ничуть не страшится межъязыковых контактов, напротив, в них видит залог дальнейшего развития родного языка. И ничего странного нет, по-моему, в том, что каждый раз, когда думаю о путях дальнейшего развития родного языка, я твержу как молитву: «О, великий русский язык, помоги мне защитить от меня самого, от моей глупости, от

моей нерадивости и небрежения мой родной язык! Да устыдит меня твой великий пример и научит быть достойным носителем родного языка!»

Я говорю «мой русский язык» не для красного словца. Это мне диктует мое новое языковое чувство, сознание того, что он причастен к моей судьбе, как и я, приобщен к его исторической жизни. Видимо, понятие «великой семьи» языков внушает нам доверительное отношение ко всем языкам, внушает особую привязанность к тем из них, с которыми у нас более тесные связи. И это сознание братства языков, сознание не только их равноправия, но особой прелести и незаменимой ценности каждого из них, по-моему, преобразило и облагородило у нас и чувство своего языка. Таким оно не было и не могло быть за хронологическим рубежом нашего времени.

Думаю, что такое же преобразование произошло и с нашим чувством родной культуры. И я никогда не понимаю людей, которые как бы стыдятся говорить о несовершенстве своей родной культуры перед лицом «великой семьи» культур.

Чувство великого единства, когда оно действительно живо в твоём сердце, в том и состоит, что в этой семье ты ни от кого не ждёшь ни насмешки, ни унижения, ни высокомерного отношения, как бы ты ни был несовершенен и отстал. Ждёшь при всех случаях помощи, дружеского участия, поучительного урока.

Чувство раскованности – вот, мне кажется, что в первую очередь характерно развитию культур в «великой семье». Иначе говоря, развивайся свободно, без суеты и чувства неполноценности, ибо ты в своей семье и всем с тобой поделаются бескорыстно и безвозвратно.

Я хорошо знаю, что все мы, современные осетинские литераторы, учимся не только у своих классиков, но и на опыте русской классики и современных русских писателей. Влияние? Да. Одностороннее? Да. Ну и что? Ничего в этом обидного для себя я не нахожу. У Пушкина и Лермонтова, Блока и Есенина, Толстого и Достоевского, Чехова и Горького не учится лишь тот, кто просто неспособен учиться или предпочитает быть невеждой.

Скажу больше того – учимся у всех талантливых писателей, произведения которых имеются на русском языке. Стараемся читать их и в оригинале, скажем, грузин, украинцев и белорусов. Что же стыдиться нам, что в «великую семью» одни вступили в более зрелом возрасте, другие – менее развитыми в силу их исторической судьбы?

Думаю, что самая характерная черта преобразованного чувства своей культуры есть отсутствие узости взгляда на свое будущее, как на изолированное саморазвитие. Нет, мы развиваемся в «великой семье» культур и нет у нас чувства боязни за свое будущее. Если взбираться на вершину в единственном числе, легко можно сорваться. Но когда тебя надежно страхуют верные друзья – вершины покорятся.

Василь, прости меня, что так длинно и нескладно получилось.

Как будто бы высказал свои думы о нашем внутреннем преобразении, о новом складе нашего чувства родины, языка, культуры. А мысль торопится куда-то вдаль и мне уже слышится многоголосый и разноязычный хор наших народов и культур на празднике столетия их великого Союза. Воображение рисует картину осуществленного идеала, и от этого тепло на сердце. Быть может, это единственное преимущество писателя в жизни – сердечное воображение, щедро потчующее его и страданиями давних времен, и несказанной радостью грядущих лет.

Странно, письмо уже написано, и только сейчас пришло мне в голову: а почему собственно на тебя обрушил свои субъективные соображения?

Видимо, потому, что о родине и родном языке надо говорить открыто, искренне, от всего сердца и только открытому и искреннему человеку. А из всех моих друзей ты единственный, в чью искренность я верю больше, чем в собственную.

*Твой Нафи Джусойты.
Цхинвал.*

FORGETTING THE STRIFE. LETTER TO VASIL BYKOV
Dzhusoyty N.G.